УДК 130.2:140.8

ПАНСЛАВИЗМ КАК РОМАНТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ. РУССКИЕ ИДЕОЛОГИ И КОНЦЕПТЫ

© **2023.** ***Т.В. Целик***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье исследуется проблема становления европейского и русского панславизма как варианта историософских концепций под влиянием философии романтизма XIX в. Рассмотрены три его среза: историко-культурный, концептуально-философский и политико-дипломатический в контексте исторических событий и тенденций становления национальных государств и роста самосознания славянских народов. Выявлены специфические идеологемы русского панславизма – идеи равенства, справедливости и подлинной человечности на основе христианского гуманизма в его православном содержании как модель единства восточно-православно-славянской цивилизации. Делается вывод, что именно эти ценностные основания делают сегодня привлекательной позицию русской цивилизации в современно мире для стран глобального Юга.

Ключевые слова: панславизм, славянофильство, славянское единство, романтический национализм, цивилизация, цивилизационный конфликт, софийность.

Современный мир трансформируется стремительно. Меняются еще недавно устоявшиеся и привычные альянсы, однополярность последних тридцати лет уступает место многополярности, что сопровождается всеми видами цивилизационного противостояния. Это не только политический и экономический конфликт на межгосударственном или блоковом уровне во всем его проявлении, но, в первую очередь, конфликт ценностей и смыслов. К сожалению, непосредственно наша страна и жители Донбасса оказались напрямую включенными в это противостояние самым трагическим образом. Экзистенциальный выбор и экзистенциальная ситуация тревоги для нас стали не философскими рассуждениями и теоретизированием об отвлеченных началах, а объективной реальностью и повседневностью жизни с ежедневными обстрелами.

Автор неоднократно обращалась к теме полилинейной модели развития социума и цивилизационному подходу при анализе процессов в современном мире [1–3], получивших достаточно устойчивую характеристику «столкновение цивилизаций» (Хантингтон) [4]. Пережив десять лет назад раскол украинского общества, частью которого Донбасс был на протяжении советского и постсоветского этапов существования Украины, мы вынужденно еще раз обратились к анализу глубинных причин противостояния, которое привело к военным действиям в Донбассе. Если на глобальном уровне это действительно столкновение цивилизаций, включая их экономическую основу и политические формы, ставшие инструментарием в попытках глобального доминирования коллективного Запада в планетарном масштабе, где одной из главных целей подавления является Россия как государство-цивилизация, то в случае украинского майданного раскола еще одним срезом проблемы выступает культивирование агрессивного национализма и галицийского нацизма, привнесенного в идеологическую доктрину украинского государства после распада СССР.

Украина – не единственная страна, которая сначала провозгласила независимое государство, а потом столкнулась с необходимостью создания политической нации, поисков средств и способов формирования идентичности такой новой нации. Отсюда

переписывание истории и новый национальные мифы, широко представленные в публицистике и общественной практике. Избавляясь от принципов советского интернационализма, украинские идеологи с конца перестроечного периода позднего СССР обратились именно к национализму и пытались в течение тридцати лет создать политическую нацию на его основе. Если до 2014 г. это не удавалось сделать в силу ментальной неоднородности, несовпадения ценностных миров жителей разных регионов Украины (центр и запад в противовес юго-востоку), то после майданного переворота и благодаря смене поколений в постсоветской Украине крайний национализм, в его радикальных формах нацизма, лег в основу процесса становления новой политической нации как антагониста Русскому миру в целом. Поэтому парадоксальным и закономерным одновременно стал факт военного, а не только идеологического противоборства с наиболее близким территориально и ментально государством, образовавшимся после распада СССР. Проведение СВО стало необходимой ответной мерой на агрессивную националистическую политику и прямые военные действия украинского государства на Донбассе, начавшиеся весной 2014 г., но, в первую очередь, также ответом на конфликт цивилизаций, ареной развертывания которого стала территория современной Украины.

Таково нынешнее положение дел. Но национальная идея как таковая рождалась совсем в другом историческом контексте событий XIX в. и обосновывалась в европейской философии романтизма с ее гуманистической направленностью, где основным смысловым полем было выявление духа народа и его творческих начал, т. е. культурные и этнографические формы этого народного духа. А модели сосуществования народов и государств предлагались через реализацию идеалов просвещенного разума и свободы. При этом, помимо просвещенческого варианта единства человечества (в его преимущественно французской версии) на основе универсального разума, набирал популярность и укреплял позиции романтический вариант развития европейского социума через формирование национальных государств и закрепление суверенитета народов. Это напрямую затрагивало славянские народы, которые в XIX в. были включены в состав нескольких империй и у которых росло национальное самосознание. В данном историческом контексте закономерным было появление ***панславизма*** как определенной идеологии, культурного и политического движения в Европе, с разным пониманием его целей и задач, а также определенными его вариантами и интерпретациями в российской интеллектуальной среде, где славянофильство и украинофильство кирилло-мефодиевцев, а позже громадовцев, были отчасти определенными его версиями.

Нам думается, что все вышеизложенное делает небезынтересным и **актуальным** обращение к ранним этапам становления не только национальной идеи как таковой, ее истокам и смысловому полю в исторической конфигурации XIX в., но также к идеологии панславизма и ее пониманию русскими мыслителями, которые предлагали собственное видение ценностных оснований славянского единства.

Таким образом, **целью** исследования является выявление специфики идеологии панславизма в ее неразрывной связи с историческими процессами XIX в., а **задачей** – анализ смыслов, предлагаемых русскими интеллектуалами для обеспечения славянского единства, которые вкладывали в общественное пространство творцы и идеологи русской версии панславизма.

У проблемы панславизма, с нашей точки зрения, есть как минимум три уровня анализа: 1) историко-культурный; 2) концептуально-философский, где складывались духовно-смысловые конструкты и идеология; 3) политико-дипломатический, когда

уже сложившиеся конструкты и идеологемы влияли или даже определяли политику государств.

Исходным пунктом наших рассуждений, как сказано выше, был современный украинский национализм, определивший политику государства Украина с момента провозглашения независимости в 1991 г. Нерешенной оставалась задача украинской идентичности. В этой связи, как нам думается, прямой исторической параллелью является процесс создания Италии и итальянской нации в XIX в., отраженный в крылатой фразе, сказанной в 1861 г. премьер-министром короля Виктора Эммануила, графом Камилло ди Кавуром: «Италию мы создали, теперь нужно создавать итальянцев». Краеугольным камнем в процесс «создания украинцев» была положена концепция М. С. Грушевского об Украине-Руси и противопоставлении украинского и русского народов, их истории и культуры, окончательно сформулированной президентом Л. Д. Кучмой: «Украина – не Россия».

Виток истории в промежутке более ста лет продемонстрировал совпадение исходного идейного посыла двух украинских президентов. Но академик М. С. Грушевский был представителем украинофильской версии позднего панславизма в его австрийском варианте, который противопоставлялся москвофильскому и русинскому движению Галичины. На уровне реальной политики в Австрии XIX в. рассматривался даже некий проект Австро-Славии, но после революции 1848 – 1849 гг. образовалась Австро-Венгрия. Возможность создания Австро-Славии обосновывалась непосредственно в рамках движения и идеологии европейского панславизма. О. С. Забужко [5] убедительно показала роль польского национального вопроса для актуализации в настроениях европейской общественности XIX в. славянской темы. Трансформация в сторону повышенного интереса к славянству произошли благодаря творчеству и общественно-политической деятельности Адама Мицкевича. Его лекции в Париже действительно пробудили увлеченность историей и сочувствие к полякам, утратившим бывшую могущественную страну вследствие ее раздела между тремя империями – Австрийской, Прусской и Российской.

С другой стороны, реальная политика России, начиная с XVIII в. тоже была связана со славянским вопросом. Создание Новороссии после русско-турецких войн, необходимость не только защиты, но и экономического освоения этих территорий способствовали привлечению на эти земли единоверцев, находящихся под властью Османской империи. Отсюда политика сначала Елизаветы Петровны по переселению сербов и валахов (Новая Сербия), а позже Екатерины II с выведением из Крыма греков и других православных народов, представителей византийско-православного цивилизационного единства. Греческий проект Екатерины вообще был связан с возможным освобождением Константинополя и возвращением ему статуса центра православного мира под эгидой православного царя (на древний византийский престол должен был взойти один из внуков Екатерины Великой). Таким образом расширялся и реализовывался бы концепт, идущий от старца Филофея, «Москва – Третий Рим». Далее, в первой трети XIX в. в русской государственной политике балканский проект ушел из актуальной повестки, но к нему вернулись позже, тогда же сформировался и русский вариант панславизма со своей идейной основой.

Очень интересной является попытка культур-контекстного анализа русского панславизма, содержащаяся в работе А. А. Григорьевой [6], историка из Иркутска, где достаточно убедительно показана неоднородность этого явления и неоднозначность отношения к нему в русском обществе. Это одна из немногочисленных работ, в которой

русский панславизм рассмотрен как определенная форма геополитики через отношение к южнославянской и балканской проблеме в русской политике на разных ее этапах XIX – начала XX в. Русский панславизм, по ее мнению, не только вписан в общеевропейский контекст, но и отражает вариативность его восприятия разными политическими силами и государственными структурами, т. е. официальным Петербургом.

Весомым фактором появления заинтересованности, а позже устойчивого официально-политического интереса к идеям панславизма в России на протяжении XIX в. был так называемый «восточный вопрос», неоднократно приводивший к военным действиям с участием России. Всеславянская идея была одним из движителей российской политики еще с 40-х годов XIX в. К ее активному внедрению прилагал усилия М. П. Погодин, призывавший правительство к деятельному участию в славянском вопросе. Имелось в виду объединение западных и южных славян под эгидой России. Но на особую артикуляцию панславизма в официальной политике России повлияло поражение в Крымской войне. Не имея надежных союзников на Западе, российское правительство начало разрабатывать проект создания на Балканах государственно-православного союза во главе с Сербией. Понятно, что этот проект обладал антитурецкой направленностью, особенно во время восстания немусульманских народов Османской империи 1866 года.

Об отношении к своеобразному возврату и актуализации «греческого проекта» Екатерины II можно судить по деятельности наиболее последовательных выразителей идеи панславизма Ф. И. Тютчева, Н. Я. Данилевского и С. М. Соловьева. Хотя их взгляды и имели существенные отличия, но общность была в главном: геополитически такая федерация должна противодействовать Османской империи и объединить близкие по духу народы (православные, а не только славянские), которым нужно оказывать братскую помощь. Столицей такого государства должен был стать Константинополь (Царьград). Именно строки Ф. И. Тютчева, взятые Н. Я. Данилевским эпиграфом к главе XIV «Царьград» в фундаментальном труде «Россия и Европа» из стихотворения «Пророчество» (1850 г. написания), отражают данные концептуальные взгляды русских панславистов: «И своды древние Софии / В возобновленной Византии / Вновь осенят Христов алтарь! Пади пред ним, о Царь России, / И встань, как Всеславянский Царь!» [7, с. 438]. Главу XV-ю своей книги Данилевский посвящает славянскому единству, дав ей название «Всеславянский союз» [7, с. 475].

Продолжателем линии политического панславизма А. А. Григорьева называет также К. Н. Леонтьева, выдающегося русского философа и дипломата, внесшего определенные коррективы в проект Восточной федерации. Его позиция заключалась в том, что православно-конфессиональная принадлежность преподносилась как фактор более важный, чем этническое родство славянства. Духовная связь с греками или румынами, по мнению Леонтьева, была более значительной, чем родство с западными и даже южными славянами, потому что последние к тому же испытали негативное влияние западной цивилизации. Только, к сожалению, эта официально направленная политика не учитывала поликонфессиональности славянского мира, что сказалось на Всеславянском съезде, проходившем в Москве в 1867 году. Воодушевление и ожидания в связи с проведением съезда были значительными. Ф. И. Тютчев приветствовал его в стихотворении «Славянам» следующими строками: «Привет вам задушевный, братья, / Со всех Славянщины концов, / Привет наш всем вам, без изъятья! / Для всех семейный пир готов! / Недаром вас звала Россия /На праздник мира и любви; / Но знайте, гости дорогие, / Вы здесь не гости, вы – свои!». И далее в тексте

стихотворения: «Хотя враждебною судьбиной / И были мы разлучены, /Но всё же мы народ единый, /Единой матери сыны; /Но всё же братья мы родные!...».

Этот съезд собирались провести в Праге еще в 1863 году и посвятить его 1000-летию внедрения славянского языка и литургии (миссия Кирилла и Мефодия в Моравию), но из-за противоречивости в позициях по поводу возникновения кириллического алфавита и церковнославянского языка он в Праге так и не состоялся. В Москве в 1867 году представители западного славянства, в том числе чехи (в лице Ф. Палацкого), не восприняли предложенные тезисы, особенно по поводу русского языка и литературы как общеславянских в будущей Всеславянской федерации.

Как видим, историко-культурный и политико-дипломатические уровни русского панславизма отражали попытки реализовать цивилизационные концепты, сложившиеся в русской интеллектуальной среде XIX в. Но этот проект не состоялся, конфессиональные различия оказались более значимыми, чем праславянская этническая общность, и, тем не менее, ценностные основания русского панславизма были высказаны – любовь, единство на основе братства, равноправие и справедливость.

Собственно говоря, данные тезисы и есть фундамент русской идеи, которая также рождалась в идейной среде сначала славянофилов, затем прошла красной нитью в творческом наследии панславистов и закрепилась в русской философии Серебряного века.

Славянофильство А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, И. В. Киреевского, А. С. Аксакова и К. С. Аксакова исследовано историками русской философии достаточно глубоко и последовательно в работах М. А. Маслина, А. Ф. Замалеева, С. С. Хоружего, А. В. Гулыги и многих других. Хрестоматийным стало понимание историософии славянофилов как соединения романтического шеллингианства и христианского гуманизма в патристическом осмыслении восточных отцов церкви, где доминирующим был интерес к человеку и софийному пониманию бытия. Именно такое понимание русского народа и славянского единства сложилось в российской академической среде, даже определив взгляды Н. И. Костомарова, создателя кирилло-мефодиевского братства, кружка интеллектуалов в Киевском университете Св. Владимира и автора «Книги бытия украинского народа».

Украинская версия славянофильства в модели Н. И. Костомарова также предполагала создание славянской федерации на основе равенства и христианской любви, но с центром в Киеве как колыбели православия для восточных славян. Даже название программного документа кирилло-мефодиевцев – это прямая отсылка к библейской Книге Бытия. Но появление этих идей было воспринято российским истеблишментом как угроза государственным интересам, особенно в преддверии европейской революции 1848–1849 гг. Правительственные чиновники не могли решить, кто представляет большую угрозу – славянофилы или противостоящие им западники, как писал М. В. Попович. Кружок Н. И. Гулака, В. М. Белозерского и Н. И. Костомарова возник несколько раньше, чем артикулировался политический интерес России в «восточном вопросе». Тезисы о народности и православии были созвучны официальной политике России в славянском вопросе. Но кружок вызвал серьезную обеспокоенность, и за деятельностью кружка «тайная полиция уже вообразила себе разветвленный заговор, в котором участвуют русские, украинские, польские и другие славянские националисты-романтики типа Мадзини» [8, с. 338]. На самом деле, из материалов, изъятых при обыске у Гулака, следовало, что идеи кирилло-мефодиевцев во многом согласуются именно с официальным курсом и

политическими интересами России. М. П. Попович цитирует одну из докладных записок А. Ф. Орлова, начальника III отделения собственной канцелярии императора, Николаю I по оценке деятельности кружка: «Все они не заговорщики, не злоумышленники и восхищаются только: славянофилы модным направлением наук, а украинофилы страстной любовью к своей родине, но правительство должно принять определенные меры предосторожности как в отношении славянофилов, чтобы возгласы их о присоединении к России иностранных славян не вызывали недовольства соседних государств, владеющих славянами, так и особенно против украинофилов, потому что мнения последних о восстановлении народности их родины могут повести малороссиян, а за ними и других подданных России к желанию существовать самобытно» [8, с. 339]. М. В. Попович отмечает, что чиновники увидели тенденцию возможного развития идей и событий, которых сами кирилло-мефодиевцы еще даже не сформулировали.

Из приведенного текста видно, что к 50-м годам XIX в. российские чиновники еще пытались не раздражать соседей славянской проблемой; не случайно не был официально поддержан и первый Всеславянский съезд в Праге 1848 г. Отсутствие широкого интереса в середине XIX в. к панславистским идеям можно проиллюстрировать деятельностью М. А. Бакунина, ставшего единственным представителем России на первом Всеславянском съезде. Будущий теоретик анархизма призывал к общей европейской революции, целью которой должно было стать уничтожение деспотических держав и создание федерации европейских республик. У него, с учетом так поставленной цели, панславизм и движение славян вообще превращались во вспомогательное средство, а самостоятельность славян и создание славянских государств понималась как промежуточный этап. Памятуя о том, что М. А. Бакунин принадлежал к социал-демократическому движению, и марксистский тезис о пролетарском интернационализме был для него приоритетным, понятно, что в итоге сам же он стал критиком панславизма вообще. Хотя изначально в его проект панславистского государственного образования входили помимо славянских земель также Греция, Валахия, Венгрия, Молдова, Трансильвания и даже Турция. Позже, в 1872 г. окончательно убедившись в нереализуемости своих замыслов, Бакунин заявил о размежевании задач славянского и международного пролетарского движений и даже необходимости борьбы с панславизмом в любом проявлении. Но во второй половине XIX в. панславизм в России получил более благоприятную почву в силу балканской политики государства, а благодаря Н. Я. Данилевскому эти идеи стали основой цивилизационной модели и одним из прообразов русской идеи, о чем речь шла выше.

Если обратиться к славянофильству как первой форме русской самобытной историософии, складывавшейся под мощным влиянием шеллингианства, где основой является философия тождества, то можно рассмотреть преемственность не только романтического понимания народного духа, но и дальнейшую идею софийности как воплощения мировой гармонии в философских построениях В. С. Соловьева и его последователей. Нам думается, что философия Всеединства с идеями экуменизма отчасти стала формой преодоления неудавшейся попытки создания всеславянского единства, так как мыслитель вел собственную дискуссию с панславистами. Мировая гармония и любовь должны были снять и цивилизационное противостояние России с Западом, чего не случилось до сих пор. Антагонизм русской идеи и западного христианства как различных цивилизационных оснований четко артикулирован еще

Ф. М. Достоевским, что так же остается на поверхности современного цивилизационного конфликта.

Как видим, славянофильство и западничество, панслависты и марксисты в России XIX в. предлагали варианты концептуального и смыслового наполнения цивилизационной тематики, что остается актуальным и для нас в XXI в. При всем различии исторических контекстов современная Россия решает те же задачи, которые были обозначены теоретиками еще XIX в. Цивилизация не может существовать без создания и культивирования смыслов. Один из них – русский мессианизм, вынесенный в интеллектуальное пространство массивом панславизма. Концепт византийско-православно-славянской цивилизации в теоретическом наследии русских панславистов обрел законченную форму.

И, если сегодня православная идентичность определяет только часть цивилизационной модели русского мира, то идеи равенства, справедливости и подлинной человечности, а не свободы, понимаемой как вседозволенность и произвол, собственно, и делают привлекательной позицию современной России на мировой арене.

Современный гедонистическо-потребительский либерализм и глобализм Запада навязывает свою модель развития остальному миру. В этой модели отношения к жизни агрессивно позиционируется ЛГБТ повестка, привносятся идеи трансгуманизма, культивируются самые низменные потребности человека, что декларируется как выражение свободы самоопределения человека, вплоть до смены пола и отказа от собственной природы. Духовные основания бытия, его нравственные начала в данной модели просто теряют смысл. Свобода, понимаемая как произвол, отсутствие стыда как важнейшего фактора личностного становления, воспринятые как новая «нормальность», ведут тем самым к разрушению социальности как таковой. Это то, что Ф. М. Достоевский прочувствовал как тенденцию развития Запада и связал с проявлением Антихриста.

В этой связи возвращение к традиционным ценностям и противостояние глобальному либерализму, провозглашенные в нашей стране, находят все большее понимание и поддержку в так называемых странах глобального Юга, что отражает универсальность тех форм жизненного уклада полиэтничной общности, которые выработаны русской цивилизацией на протяжении ее тысячелетнего существования. А теоретическое обоснование и популяризация этой модели существования мира прошли свой долгий путь и снова актуализировались благодаря кругу русских мыслителей от славянофилов-романтиков, до панславистов-государственников.

Нам верится, что на этой идейной основе будет преодолен и украинский крайний национализм и даже нацизм, основывающийся на галицийском трайбализме, а в русский мир вернется часть украинского общества, если вспомнит о православном гуманизме и нравственных началах бытия и общей цивилизационной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Целик Т. В. Полилинейность как модель развития современного мира: теория, теоретики, факты // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 109-112.
2. Целік Т. В. Україна у цивілізаційному полі Захід – Схід // Українознавчий альманах. – Вип. 8. – К., 2012. – С. 119-123.

3. Целик Т. В. Идентичность и кризис ценностных оснований современной цивилизации // Культура и цивилизация. – Выпуск № 1-2(2). – Донецк: ДонНТУ, 2015. – С. 68-74.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
5. Забужко О. Філософія української ідеї та європейський контекст: франківський період / О. Забужко. – К. : Факт, 2006. – 156 с.
6. Григорьева А. А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века) – Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013. – 199 с.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. редактор О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
8. Попович М. В. Нарис історії культури України / М. В. Попович. – К.: «АртЕк», 1999. – 728 с.

Поступила в редакцию 16.12.2023 г.

PAN-SLAVISM AS ROMANTIC NATIONALISM. RUSSIAN IDEOLOGISTS AND CONCEPTS

T.V. Tselik

The article examines the problem of the formation of European and Russian Pan-Slavism as a variant of historiosophical concepts under the influence of the philosophy of romanticism of the 19th century. Three of its sections are considered: historical-cultural, conceptual-philosophical and political-diplomatic in the context of historical events and trends in the formation of national states and the growth of self-awareness of the Slavic peoples. Specific ideologemes of Russian Pan-Slavism are identified - the ideas of equality, justice and true humanity based on Christian humanism in its Orthodox content as a model of the unity of the Eastern Orthodox-Slavic civilization. It is concluded that it is precisely these value foundations that make the position of Russian civilization in the modern world attractive for the countries of the global South today.

Key words: Pan-Slavism, slavophilism, slavic unity, romantic nationalism, civilization, civilizational conflict, Sophia.

Целик Татьяна Витальевна
Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.
E-mail: tselik.t.v@mail.ru

Tselik Tatiana Vitalievna
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
FSBEI HE «Donetsk State University»
E-mail: tselik.t.v@mail.ru